

Лу Мянью не обращал внимания на различные достопримечательности вокруг него и вернулся на свое место.

Ци Чжэнь встал и обнял ее: "Мяньмянь, ты великолепна!".

Сяо Цимо и Сяо Хуацзюнь тоже встали.

Эти двое мужчин были интровертами, и отец с сыном одинаково улыбались и аплодировали, чтобы выразить свои эмоции.

"Ты действительно гордость нашей семьи!" Ци Чжэнь полностью превратилась в невестку.

Гордость нашей семьи...

Лу Мянью тихо пробормотала эти слова, и иногда ей было так легко растрогаться.

Она глубоко чувствовала, что женщина средних лет перед ней действительно относится к ней как к своей семье, как к собственному ребенку, любит ее, нежно и тепло.

Она - их гордость.

Неожиданно, в один прекрасный день, она станет гордым ребенком для других.

Лу Мянью крепко обняла Ци Чжэнь.

Семья из четырех человек уселась в кресло.

Из зала слышался небольшой шум.

"Что только что сказала госпожа Лу?"

"Разве смысл слов Ма Бянь не ясен? Это ложь! Шао Юньсюань - лжец!"

"А? Шао Юньсюань - лжец? Разве эта песня не оригинальна?"

"На самом деле, стиль ее песни очень похож на стиль песни господина Милоу, но Милоу, кажется, не выпускал эту песню. Нелегко судить на время".

"О чем еще судить. Разве это не очевидно? Она не смогла сыграть ни одной оригинальной аранжировки. В результате мисс Лу сыграла так замечательно. Тебе не кажется это странным?".

"Дело в том, что мисс Лу играет так хорошо, даже если у нее повреждена рука... Какое лицо у тех из нас, кто отчаянно не может угнаться за одной десятой ее!"

"Не отчаивайтесь, люди могут заниматься много лет, и нет ничего удивительного в таких достижениях".

Сзади раздался эмоциональный вздох, люди, которые сначала не очень оптимистично относились к Лу Мянью, мгновенно изменили свое мнение.

Никто больше не чувствует, что Ци Чжэнь смущает Шао Юньсюаня, только то, что слова Ци Чжэнь слишком консервативны. Как это может быть лучше, чем Шао Юньсюань, госпожа Лу явно фея пальцев!

Куньян еще сильнее сжал брови, услышав эти голоса позади себя.

Он говорил серьезным тоном: "Мисс Шао, пожалуйста, объясните нам".

Шао Юньсюань схватила микрофон и внезапно задрожала, ее глаза заблестели.

Сюй Хуайинь коснулся подбородка и многозначительно улыбнулся.

"Оригинальный создатель может сочинить такую песню, но не может ее сыграть, что очень смущает. Но не бойтесь, госпожа Шао. Вы - ученица, назначенная мастером Чу Конгом. Мы все верим в его видение. Он так оптимистично смотрит на вас. У вас должны быть свои трудности... лучше объяснить здесь, чтобы все вас не поняли".

Шао Юньсюань не услышала сарказма Сюй Хуайина, почувствовала, что он хороший человек на ее стороне, и несколько раз кивнула головой в знак благодарности.

Она сжала микрофон, кусая губы, и скорбно произнесла.

"Простите, в последнее время я устала заниматься фортепиано и перетрудила свои пальцы. Я действительно сыграла это произведение не идеально. Я прошу прощения у всех. Но это не должно быть поводом для того, чтобы некоторые люди воспользовались этим, верно?"

Сюй Хуайинь злобно улыбнулся.

Куньян не мог принять это объяснение.

Зрители в зале были не глупы, и другая сторона не отвечала на их вопросы напрямую.

"Мисс Шао, эта песня написана вами? Что имела в виду мисс Лу?"

"Да, на самом деле, в вашем возрасте не имеет значения, если вы не оригинальны. Но так как ты наследница оптимистичного взгляда мастера Чу, ты не можешь заниматься мошенничеством."

"Да, разве это не разрушило репутацию мастера Чу!"

раздался голос крестового похода внизу.

Четверо Лу Мянью и Ци Чжэнь мирно сидели.

Ци Чжэнь полюбопытствовал: "Мянью, что происходит?"

Сяо Цимо снова развернул пальто Лу Мянью, взял ее за руку и одел ее серьезно, как будто обращался с трехлетней дочерью.

Лу Мянью не могла ни смеяться, ни плакать.

Ци Чжэнь и Сяо Хуацзюнь потеряли дар речи.

Лу Мянью смутилась еще больше, и взяла на себя инициативу надеть другой рукав, после чего медленно сказала: "Я не слишком много знаю".

"Тогда эта мелодия?"

Лу Мянью наклонил голову и ярко улыбнулся Ци Чжэнь: "Тетя, как вы думаете, имя Ма Бянь звучит хорошо?".

Это положительный ответ на вопрос Ци Чжэня.

Ци Чжэнь протянул руку и сжал щеку Лу Мянью: "Шалунья! Я знал, что наша семья Мянью самая лучшая!"

Сяо Цимо слегка кашлянул рядом с ним: "Мама, не живи со своей семьей, это принадлежит моей семье".

Как только он закончил говорить, он заметил опасное зрелище сбоку от себя.

Оглянувшись, он увидел холодное и бесчувственное выражение лица своего отца: "Ты, мальчишка, собираешься бунтовать, смеешь бить мою жену".

Сяо Цимо:...

Шао Юньсюань не могла справиться с такой сложной сценой. Она вообще не могла стоять на сцене. Она очень устала и грустно обратилась к микрофону и сказала: "Раз уж вы мне не верите, то пусть будет так, как вы говорите!".

Она бросила такое предложение своевольно, как будто ее сильно обидели, и сразу устремилась на задний план.

Цзя Фанцин так разозлилась, что сразу же ударила себя по бедру: "Как ты можешь так сомневаться в моей дочери! Ты знаешь, как тяжело она работает!"

Она закричала так резко, что, несмотря на три семь двадцать один, встала и покинула сиденье, преследуя Шао Юньсюаня.

Сцена была пуста, и зрители под сценой смотрели друг на друга.

И это все?

Вот так?

Сюй Хуайинь почти смеялся от уха до уха: "Старый Кун, наследник, выбранный мастером Чу, очень темпераментный! Что я могу сделать? Физическое состояние мастера Чу не позволяет ему выступать на сцене. Его наследники также решили не делать этого. Итак, все ли из нас остались здесь?"

Старейшина Кун некоторое время разочарованно качал головой: "Что случилось с Чу Конгом в последнее время? Он всегда был самым строгим и осторожным в области фортепиано..."

"Мастер Чу верит в уверенность в себе, возможно, такие люди, как мы, не могут понять его мысли".

Куньян посмотрел на Сюй Хуайинь.

Сюй Хуайинь ничего не сказал, но опустил голову, обрадованный.

Он даже оглянулся в сторону Лу Мянью, думая о том, что если бы он смог перевести Лу Мянью в

свою секту, то смог бы хорошо использовать его и полностью подавить Чу Конга.

Было бы еще лучше, если бы он смог подняться к власти в семье Сяо через этого Лу Мяня.

За кулисами.

Шао Юньсюань потеряла микрофон и в гневе покинула сцену.

Как раз когда она встретила Шэнь Исинь и Йелинг лоб в лоб, она приостановилась, и мгновенно нашла свою отдушину, ее лицо стало черным.

"Сестра Исинь, почему ты не подошла и не помогла мне сейчас?"

"Нет, Юньсюань, ты должна сама объяснить такую важную вещь! Почему ты спустилась вниз?" Шэнь Исинь все еще была в замешательстве, как и Шао Юньсюань кричала.

К счастью, у нее был мягкий характер, и она спокойно посоветовала Шао Юньсюаню.

"Юнь Сюань, такие вещи бесполезны для меня на сцене. Если это твоя оригинальная песня, то ты человек, который знает ее лучше всех, когда она была написана, какой художественный замысел, твоя оригинальная рукопись и т.д., эти другие люди говорят сто раз, это не так полезно, как объяснить четко самому."

<http://tl.rulate.ru/book/75253/2572369>